

**ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА (1937 г.)**

Е. И. Красильникова

**A PAGE FROM THE OMSK REGIONAL MUSEUM'S HISTORY: THE EXHIBITION DEDICATED
TO THE CENTENARY OF ALEXANDER PUSHKIN'S DEATH (1937)**

E. I. Krasilnikova

Статья посвящена специфике работы Омского областного краеведческого музея в условиях разгара политических репрессий. Цель статьи – охарактеризовать масштабную выставку, устроенную музеем к столетию со дня гибели А. С. Пушкина. Автор объясняет особенности репрезентации выставочных материалов в контексте государственной идеологии и советской политики памяти. В методологическом отношении автор опирается на разработки, известные в западной науке, как «memory studies». В статье рассмотрены принципы музейной репрезентации отечественной истории первой трети XIX в. («пушкинской эпохи»), процесс работы над созданием выставки. Также характеризуется восприятие выставки ее посетителями, их критические замечания и позитивные отзывы. Автор приходит к выводу о том, что эта выставка была очень важна для государства в контексте процессов идеологизации прошлого. Она отвлекала внимание населения от политических репрессий, была нацелена на формирование негативного восприятия истории страны до прихода к власти советов и позитивного образа современности в общественном мнении.

The article is devoted to the specifics of the Omsk Regional Museum's activity in the height of political repression. The paper aims at characterizing the large exhibition, which was organized by this museum on the centenary of Alexander Pushkin's death. The author explains the particular representation of exhibition materials in the context of the Soviet state ideology and memory policy. Methodologically, the author relies on the works, known in the Western science as «memory studies». The paper deals with the principles of representing Russian history of the first third of the 19th century (Pushkin's era), and shows the process of creating the exhibition. The author also characterizes the visitors' perception of the exhibition, their criticism and positive feedback. The author comes to the conclusion that this exhibition was very important for the state in terms of the processes of indoctrination of the past. It diverted attention from political repression and was aimed at creating a negative perception of the country's history before the Soviet coming to power and a positive image of the contemporary situation in the public mind.

Ключевые слова: музей, выставочная деятельность, юбилейные торжества, коммеморация, политика памяти.

Keywords: museum, exhibition activities, anniversary celebrations, commemoration, memory politics.

Омский краеведческий музей является одним из старейших и наиболее значительных центров культуры сибирского региона. Его истории посвящено большое количество разнообразных исследований [1; 3; 4; 15; 17; 20 и др.], отдельно затрагивалась и специфика деятельности музея в тяжелый для страны период политических репрессий 30-х гг. XX в. [1]. Однако исследований, посвященных истории экспозиционной и выставочной деятельности этого музея, до сих пор немного [10 и др.]. Между тем изучение особенностей репрезентации исторического прошлого в экспозиции краеведческого музея перспективно с точки зрения выяснения политико-просветительских задач, возлагавшихся государством на музеи страны и их роли в процессах, связанных с идеологизацией прошлого.

Цель данной статьи – охарактеризовать выставку, устроенную омским краеведческим музеем к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина (1937 г.), в контексте государственной идеологии и политики памяти государства. Для этого предстоит выяснить, на основе каких принципов строилось экспонирование музейных предметов, отбирившихся для выставки; объяснить идеологическое значение этой выставки и охарактеризовать ее восприятие посетителями музея.

Данное исследование является частью более обширного проекта посвященного изучению специфики орга-

низации памятных мест и коммеморативных практик в городах Западной Сибири в период между Гражданской и Великой отечественной войнами. Методологической опорой нашей работы служат, прежде всего, труды виднейших специалистов в области так называемых «memory studies», получивших развитие в Западной Европе и США. Работы М. Хальбвакса, П. Нора, Д. Лоуэнталя раскрывают сущность феномена коллективной исторической памяти и коммеморации [13; 16; 21]. Пониманию специфики российских коммемораций способствуют также разработки отечественного культуролога А. В. Святославского [19]. Организацию музеем юбилейных исторических выставок мы понимаем как разновидность коммеморативных практик – сознательных актов передачи мировоззренчески значимой информации (или ее актуализации) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры [19, с. 4]. Музей в значительной степени формирует коллективную историческую память местного сообщества, служит ее обогащению, поддержанию и трансляции. Будучи государственным учреждением, в условиях сталинского режима музей реализовывал государственную политику памяти. Под политикой памяти (исторической политикой) мы подразумеваем способы и сам процесс идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [18,

с. 41]. По словам французского историка Ю. Шеррер, «историческая политика, в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов, которые реализуются в ритуалах, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [22, с. 91]. Мы исходим из представления о том, что в тоталитарных условиях политика памяти направлена на формирование и закрепление, прежде всего, нормативной или догматичной картины прошлого.

Основными источниками нашего исследования послужили делопроизводственные документы из фондов Государственного исторического архива омской области. Среди них – материалы фонда музея, содержащие экспозиционные планы и прочие материалы, свидетельствующие о подготовке выставки, а также книга отзывов – уникальный источник, отражающий восприятие выставок посетителями; документы фонда исполнительного комитета горсовета, содержащие директивные идеологические установки, связанные с организацией выставки. Мы также использовали в качестве источника своего исследования периодическую печать, освещавшую в репортажах выставочную деятельность музея. Эти публикации помогают прояснить, прежде всего, идеологическое значение выставки.

100-летие со дня гибели А. С. Пушкина активно отмечалось по всей стране. В Омске, помимо музейной выставки, были развернуты разнообразные торжественные мероприятия: лекции и вечера поэзии в школах, институтах и клубах; библиотека им. А. С. Пушкина отвечала за организацию конкурса на лучшее чтение стихов и за устройство выставки книг поэта; театры готовили постановки пьес по пушкинским произведениям; радио транслировало оперы на стихи А. С. Пушкина «Борис Годунов» и «Кавказский пленник» [6, л. 1 – 6; 19].

Музею было поручено создать выставку в двух больших залах. При этом исполнительный комитет горсовета высказал и требования к содержанию выставки. Она должна была фиксировать внимание не только на биографии и творчестве поэта, но и на фоне исторических событий его эпохи: на Французской революции, на войне 1812 г., на «аракчеевщине», восстании декабристов, «реакционной политике» Николая I. Пушкин должен был быть представлен не только как поэт, но и как историк, интересовавшийся народными революционными восстаниями против крепостников. Обязательно требовалось отразить современную критику взглядов Пушкина [6, л. 27].

Основа этой выставки – типовая «передвижка» из двухсот фотографий – была приобретена стараниями сотрудника музея А. Ф. Палашенкова в Москве. Эту выставку омичам предоставил институт литературы АН СССР. Ее дополнили местными материалами. Сотрудники омского музея нашли большой живописный портрет поэта – копию с картины В. А. Тропинина, а также документы с автографами лиц, причастных к смерти поэта. Для выставки использовались и некоторые документы из фондов местного архива, относящиеся к первой трети XIX в. Омские музейщики, следуя требованию вовлечь широкую общественность в краеведческую работу, широко растиражировали

призыв, адресованный жителям города, приносить на выставку вещи, напоминающие о самом поэте и о пушкинской эпохе. В итоге были собраны книги и журналы современной Пушкину печати, картины и скульптуры на пушкинские темы, мебель, хрусталь и фарфор. На выставке демонстрировались и современные средства сохранения памяти об А. С. Пушкине: плакаты, лозунги, листовки, советские издания произведений поэта [8, л. 9]. Эта выставка акцентировала внимание на проблемах классово-политической борьбы в наследии Пушкина, на социально-политических конфликтах его эпохи, почти игнорируя прочие темы лирики поэта. Музейщики должны были объяснить посетителям выставки пушкинские «порывы к свободе и светлой, радостной жизни», а также «рассказать о действительных причинах его преждевременной трагической гибели» [6, л. 72].

Официальное отношение к творчеству А. С. Пушкина, обусловленное политикой памяти, отразилось в научно-популярной литературе, посвященной биографии поэта и значению его произведений, которая издавалась в юбилейный год. Все книги, посвященные биографии поэта, содержали однотипные оценки и выводы. Пушкин в этот период рассматривался исключительно как революционный поэт, «бичевавший самодержавие и воспевавший политическую свободу». О нем говорили как об «оптимисте, протестовавшем против гнета и несовершенства общественного строя его времени, верившем в счастье всех людей, которое достижимо на земле». Поэт характеризовался как бедный, но трудолюбивый дворянин, которому был чужд светский образ жизни и развращенность дворянства [2; 11]. Книжки о Пушкине внушали читателям ненависть поэта к крепостному строю, к самодержавию, а также к «бесчеловечной эксплуатации, присущей зарождавшемуся капитализму» [11, с. 136]. Мировоззрению поэта приписывался материализм, а жизненной ситуации, сложившейся в канун его смерти – одиночество в мире глубоко аморальных людей высшего света, стремившихся опорочить его семью ради забавы. О причинах дуэли с Дантесом говорилось: «Пушкин чувствовал себя затравленным, его преследовал Николай, Бенкендорф, министры, светское общество старалось унижить, критика хулила» [11, с. 117]. Дантес рассматривался лишь как один из многих врагов «певца свободы». Считалось, что о дуэли знал император, но намеренно не попытался ее предотвратить, фактически потакавая убийству. Дошло до того, что Пушкин был признан поэтом рабочих, крестьян и советской интеллигенции. Его поэзия характеризовалась как простая и доступная всем слоям общества. Критика его политической позиции состояла в признании того, что Пушкин якобы не понимал главного: «Революционное насилие – это единственное действенное средство в борьбе за торжество гуманизма» [12, с. 197].

Общее официальное отношение к фигуре А. С. Пушкина, характерное для 1937 г., нашло отражение и в письме И. В. Сталину, которое было составлено собранием общественных организаций Омска в честь 100-летия со дня кончины поэта. Напыщенными и высокопарными фразами авторы письма так объяснили типичное для того времени понимание

значения этой памятной даты для страны и советского народа: «За рубежом, где свирепствует звериная власть оставшейся империалистической буржуазии, фашизм, все ценное, радостное, светлое, благородное из культурного наследия возвел на костер... Лишь в нашей стране, где ярко сияет сталинское солнце новой замечательной жизни, великий народ под твоим руководством, товарищ Сталин, создает доподлинный храм всемирной культуры... В кошмарной обстановке царизма, окруженный интригами и ненавистью чиновников, ...Пушкин записал мечты, мысли и чувства народа, которые теперь сбылись. Сталинская конституция – это величайшая поэма, претворяющая в жизнь мечты...» [7, л. 29]. Из этого письма и других источников ясно, что в конечном итоге пушкинская выставка, как и все торжественные мероприятия, прославляла вождя и конституцию 1936 г.

Подобные коммеморации были необходимы в условиях политики репрессий для идеологического воспитания. Перед музейщиками стояла политическая задача искусственного формирования видимости политической солидарности не только между современниками, но и великими людьми ушедших эпох. В условиях повсеместного разрушения памятников русской истории и культуры (в особенности религиозной) важно было также продемонстрировать заботу советского государства о сохранении наиболее ценного культурного наследия. В канун юбилея пушкинского наследия было существенно переосмысленно в идеологическом контексте. Все пушкинские коммеморации 1937 г. были направлены на формирование в культурно-исторической памяти советских людей новой фигуры А. С. Пушкина – борца с царизмом за счастье простого народа.

В ежедневной газете «Омская правда» был опубликован репортаж о пушкинской выставке. Поясняясь, что эта выставка рассказывает не только о великом поэте, но и об «ужасах его эпохи». Согласно газете в начале осмотра посетители видели утонченную старинную статуэтку, изображавшую Психею с крыльями бабочки. Далее автор статьи объяснял значение этого экспоната: «Таковыми Психеями украшали свои гостиные помещицы, которые на кухне или в девичьей секли своих крепостных девок» [15]. Согласно газетному репортажу, выставку организовано посещали учащиеся, колхозники, красноармейцы, рабочие. Приходило также много одиночных посетителей, среди них были и пожилые люди. Однако заметно, что организаторы выставки ориентировались, прежде всего, на молодежь. Одна из «возрастных» посетительниц написала в книге отзывов, словно оправдывая свой визит: «Я старушка, именно 58 лет, но Пушкиным тоже интересуюсь» [9, л. 8 об.].

Многие посетители (ученики, студенты) формулировали свои отзывы в виде краткого вывода из экскурсии. Можно привести типичный пример: «А. С. Пушкин – один из лучших революционных поэтов, который боролся за диктатуру пролетариата, в этом его большая заслуга» [9, л. 1]. Многие говорили о том, что просмотрели выставку и прослушали рассказ экскурсовода с большим интересом, описывали свои эмоциональные реакции на увиденное, к примеру: «Начиная с первого зала и кончая последним вы-

ставку смотрел с неослабевающим вниманием... Выставку нужно посмотреть каждому»; «Все это мне нравилось: как он жил и описывал жизнь помещиков и была ясна его жизнь. А когда мы зашли и увидели гибель поэта, сразу как-то стало жалко мне его... Очень понравилось, будто мы с Пушкиным находились вместе» [9, л. 1 об.]. Некоторым особенно нравилась имевшаяся здесь же выставка детских работ, посвященных А. С. Пушкину. Школьники, которых не пригласили к участию в этой выставке, высказали даже свое возмущение [9, л. 9]. Заметно, что некоторые из посетителей, оставивших отзывы, отнеслись к этому как к важному, но формальному акту. Так, кто-то из группы рабочих, пришедших на выставку «строим», записал: «Осмотрев выставку, постановили признать выставку хорошей» [9, л. 4]. Однако далеко не всех привели в музей организаторов. Были такие, кто по собственному желанию, из интереса приходил на пушкинскую выставку по четыре раза и не уставал выражать восхищение и предлагать собственные идеи по ее изменению. Более всего посетителям не хватало ярких визуальных образов. К примеру, предлагалось «устроить макет рабочего кабинета Пушкина и его дуэли с Дантесом» [9, л. 3 об.]. Другим посетителям не хватало «разъяснений», как устных, так и письменных. Некоторые ожидали от музейщиков доработки выставки, ее расширения в соответствии с отзывами. Отдельные посетители сравнивали эту выставку с аналогичными выставками в других городах, признавая опыт омичей довольно удачным. Фиксировались и ожидания аналогичных выставок о М. Горьком и о В. И. Ленине.

Однако кроме похвалы книга отзывов сохранила и многочисленные замечания. Некоторым посетителям бросилась в глаза чрезвычайная политизация биографии поэта, за которой исчезал образ Пушкина – человека, имевшего частную жизнь. Посетители писали, что на выставке не хватало сведений о детстве и юности поэта, его изображении в раннем возрасте. Заметили посетители и отсутствие каких-либо материалов о Н. Н. Гончаровой, которая, по их мнению, все-таки, «как жена, играла большую роль в жизни Пушкина» [9, л. 24]. Ученики фиксировали в книге отзывов вопросы, на которые так и не получили ответов от экскурсоводов: «Почему нет портретов его детей и внучат? Где они жили? Были среди них писатели и поэты?» [9, л. 24 об.]. Отмечалось и то, что на выставке не были представлены современные собрания сочинений поэта, не хватало иллюстраций к произведениям и фотоснимков сцен из спектакля «Борис Годунов», шедшего на омской театральной сцене.

Поражают и отзывы тех, кто воспринимал политические реалии 1937 г. как норму, считая это время периодом справедливости и благополучия. Такие посетители выставки ожидали еще больше политизации ее содержания. Обращает на себя внимание следующий отзыв: «Меня как командира РККА поражает, почему Пушкина не расстреляли хамы и самодуры открыто? Но вообще я художествами доволен» [9, л. 3]. Подобные отзывы говорят о крайне упрощенном и даже вульгарном восприятии массовым посетителем эпохи «царизма». Многие в 1937 г. были уверены, что по сравнению с современностью XIX в. был «кош-

марной эпохой». Это подтверждает следующий отзыв: «Пушкин писал стихи против царя, в конце концов, дело дошло до дуэли, на которой погиб великий поэт. Конечно, если сравнивать его время и наше счастливое, радостное время, кажется, что того времени никогда не было» [9, л. 3]. Один из студентов Комвуза записал замечание: «Эпоха Николая Палкина представлена слишком мягко, в красках довольно привлекательных» [9, л. 3 об.].

Итак, тяжелый 1937 г. для советских граждан был связан не только с ужесточением политического режима, но и с крупными массовыми торжествами, которые были необходимы для того, чтобы отвлечь внимание народа от массовых репрессий. В торжествах были активно задействованы и музеи, в частности, готовившие масштабные выставки к 100-летию со дня кончины А. С. Пушкина. Репрезентация исторического прошлого на такой выставке в омском музее не

отличалась оригинальностью. Музей транслировал мифы, сочиненные властью, и представлял, главным образом, типовые экспонаты. Эффективное идеологическое воздействие этих коммемораций очевидно, однако, восприятие посетителями выставок имело нюансы. С одной стороны, люди более «просвещенные» политически ждали от выставок гораздо большей идеологизации прошлого. С другой стороны, те, чье сознание не было покалечено такой же мощной идеологической «обработкой» (дети, домашние хозяйки, пожилые люди), замечали ущербность и односторонность советских мифов об Александре Сергеевиче Пушкине. Наконец, массовый посетитель воспринимал содержание выставки на веру, как данность. Часть из таких посетителей восторгалась выставкой. Но заметно, что многие воспринимали посещение выставок спокойно, без особенных эмоций, как обязательное и формальное мероприятие.

Литература

1. Безродная, О. А. Западносибирский краевой музей (1921 – 1934 гг.) / А. О. Безродная // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: М-во культуры Омской обл., ОГИК музей, 2013.
2. Бродский, Н. Л. Пушкин: биография / Н. Л. Бродский. – М., 1937. – 894 с.
3. Вибе, П. П. Основные этапы истории и перспективы развития Омского государственного историко-краеведческого музея / П. П. Вибе // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск: [б. и.], 1998. – С. 9 – 16.
4. Вибе, П. П. Память поколений в Омском музее // Музей и его коллекции. К 130-летию основания Омского государственного историко-краеведческого музея / П. П. Вибе, Р. А. Шанаева. – Омск: ОГИК музей; Русь, 2008. – С. 6 – 17.
5. Выставка в музее // Омская правда. – 1937. – 21 октября.
6. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 235. Оп. 1. Д. 639.
7. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 748.
8. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 183.
9. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 189.
10. Красильникова, Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. / Е. И. Красильникова // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2. – С. 91 – 103.
11. Кирпотин, В. Александр Сергеевич Пушкин. 1799 – 1837 / В. Кирпотин. – М.: Художественная литература, 1937. – 172 с.
12. Кирпотин, В. Наследие Пушкина и коммунизм / В. Кирпотин. – М.: Художественная литература, 1938. – 232 с.
13. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Фонд «Ун-т», 2004. – 622 с.
14. Мартынов, Л. Пушкинская выставка в музее / Л. Мартынов // Омская правда. – 1937. – 18 февраля.
15. Мартынова, Л. С. Этапы комплектования коллекций омского краеведческого музея / Л. С. Мартынова // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск: [б. и.], 1998. – С. 28 – 30.
16. Франция – память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
17. Томилов, Н. А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (краткий исторический очерк) / Н. А. Томилов, Ю. А. Макаров // Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1986. – С. 5 – 39.
18. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.
19. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологи / А. В. Святославский. – М., 2011. – 53 с.
20. Томилов, Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях / А. Н. Томилов // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 84 – 95.
21. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
22. Шеррер, Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти / Ю. Шеррер // Pro et Contra. – 2009, май – август.

Информация об авторе:

Красильникова Екатерина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, 8(383) 201-29-31, katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2013 г.